

УДК 327.7(5-191.2):001.32(73)

“ЕВРАЗИЙСТВО” В ОСМЫСЛЕНИИ АМЕРИКАНСКИХ УЧЕНЫХ

И.А. Сафранчук, К.М. Осмоналиев

Дан анализ содержания книги “Взаимосвязи в Евразии. От Южной Азии до Каспийского моря” [1]. Сделана попытка найти глубокие исторические взаимосвязи в Евразии, которые проявлялись в разные эпохи в разных обстоятельствах.

Ключевые слова: Евразия; Центральная Азия.

“EURASIANISM” IN AMERICAN STUDIES

I.A. Safranchuk, K.M. Osmonaliev

The article presents the review of the book *Eurasian Corridors of Interconnection. From the South China to the Caspian Sea*. Ed. by Susan M. Walcott and Corey Johnson, New York/London: Routledge, 2014. It attempts to find deep historical interconnections, which manifested themselves in different times and under different conditions in Eurasia.

Keywords: Eurasia; Central Asia.

Старые подходы к изучению Евразии и ЦА продолжают, но явно заметны изменения. Например, практически остановились исследования в рамках подхода “транзитологии”, который изучал путь бывших социалистических республик, совершавших переход от “ненормального” социалистического состояния к “нормальному” – демократическому и рыночному. Такие исследования были чрезвычайно популярны в 1990-е гг., они к тому же были выгодны с карьерной точки зрения. Однако потом стало совершенно понятно, что не только в России, но и в других частях бывшего СССР, и даже на Западе, “транзитология” провалилась. Вернее, есть транзит, но не такой, как писал Ф. Фукуяма [2]. В конечном счете такие исследования выдохлись. Но на смену “фукуянизму” не пришла другая теория, например “столкновения цивилизаций” С. Хантингтона [3, с. 45], которая тоже была одно время популярна. Теория С. Хантингтона продолжала интеллектуальную традицию, которая была хорошо знакома в Европе еще со времен Романтизма начала XIX в. Эта традиция исходила из того, что каждая крупная страна (цивилизация) имеет свой уникальный культурный код. В этом контексте предполагается, что странам Запада (США и Европа) исторически свойственны демократия и рыночная экономика, а странам Востока – авторитаризм и тоталитаризм. Но такая модель не работает. Не только Венгрию и Польшу

(обе страны – члены ЕС, что предполагает принадлежность к демократическому Западу) иногда обвиняют в отходе от демократических норм и ценностей, такие обвинения звучат даже в адрес Германии. Все это не позволяет предложить какую-то стройную концепцию на смену “транзитологии”, которая если и не умерла совсем, то в значительной степени маргинализировалась. Теория С. Хантингтона тоже потеряла популярность. Такой интеллектуальный вакуум заставил ученых искать другие общие подходы к изучению стран бывшего Советского Союза и более широко – Евразии, если они хотели рассматривать эти страны вместе в своих работах. Рецензируемая книга [1] как раз является таким примером.

Как пишут во введении редакторы-составители рецензируемой книги Сусан Уолкотти и Кори Джонсон, “эта книга стала ответом на практически полное пренебрежение к экономическим и культурным взаимосвязям, которые существуют в Евразии; мы уверены в том, что в научных дебатах термин “Евразия” стал каким-то общим словом для обозначения политических амбиций в геостратегических спорах”. Далее редакторы пишут: “...то, что объединяет Евразию, по меньшей мере, не менее важно, чем то, что ее разъединяет”. Они полагают, что на географическом пространстве Евразийского континента, в существующих там культурных и геостратегических рамках, сфор-

мированы основы для особенной Евразийской цивилизации. Редакторы ставят перед собой задачу доказать это в книге. Большинство глав книги, действительно, поучительны и полезны. Впрочем, книга не лишена ряда ошибок. Проблемы начинаются уже во введении. Авторы приводят набор исторических событий, которые, с их точки зрения, доказывают давние исторические взаимосвязи внутри Евразийского континента. Но представленный перечень исторических событий не лишен очевидных ошибок. Вот несколько примеров. Авторы пишут, что в 97 г. до н.э. китайские армии дошли до Черного моря. Но китайцы никогда не завоевывали пространства вплоть до Черного моря. Они контролировали обширные пространства нынешней ЦА, многие правители в этом регионе признавали власть китайских императоров над собой; но все-таки так далеко на запад – до берегов Черного моря – китайские армии не продвигались. Китайская экспансия на запад была остановлена в VIII в. н.э., в битве при Таласе в 751 г. Другой пример: авторы пишут, что в 1529 г. Карл Великий остановил Османов и не дал им взять Вену. Но Карл Великий жил на много веков раньше. Все мы делаем ошибки, от этого никто не застрахован. И все же проверка таких базовых фактов могла бы избавить редакторов от части критики. Главная же проблема рецензируемой книги в том, что собранные в ней главы не раскрывают заявленный редакторами-составителями тезис об исторической взаимосвязи и даже единстве внутри Евразийского континента. Картина выглядит более сложной и противоречивой, чем стараются представить редакторы.

Несколько глав в книге посвящены азиатским странам и регионам – от Вьетнама до Синьцзяна. Эти главы плохо стыкуются друг с другом и не дают целостной картины, остается непонятным, как же между собой связаны пространства между Вьетнамом и Синьцзяном. К сожалению, авторы не раскрывают очевидные исторические взаимосвязи культурного и политического характера – для народов и территорий, которые действительно были тесно связаны между собой и даже находились в границах общих государств.

Джеймс Адамс Андерсон (James Adams Anderson) в главе “Установление границы между Китаем и Вьетнамом” разбирает многовековые противоречия. Автор хорошо владеет предметом, ясно и полно излагает материал, но общая связь этого текста с главной темой книги едва уловима, а скорее, вообще отсутствует. Ни Китай, ни Вьетнам большую часть своей истории не имели связей с Европой. Поэтому справедливее говорить о том, что в Азии у Китая на протяжении веков, если не ты-

сячелетий, была отдельная, азиатская, культурная и геополитическая сфера доминирования/влияния.

Глава Сусан Уолкотт “Регион Гималаев. Горная ось Азии” интересна сама по себе. Но опять же ее связь с главной темой остается непонятной. Нет даже рассуждений о взаимовлиянии регионов. Было бы полезно рассмотреть влияние Китая или Индии на регион Гималаев, а также влияние в обратном направлении; это было бы полезно для общего направления книги – взаимосвязи в Евразии.

Стэнли Трупс (Stanley W. Troops) в своей главе “Там, где внутренняя Азия встречается внешний Китай” подходит ближе к основной теме книги. Он рассматривает историю Синьцзяна с доисторических времен до современности. Основное внимание уделено племенам кочевников, которые пересекали пространства Евразии, в первую очередь это относится к хуннам и монголам. Но и в этой главе практически не показано, как эти кочевники влияли на другие народы и как они вместе создавали какую-то евразийскую общность в широком историческом контексте.

Глава Александра Дайнера (Alexander C. Diener) под названием “Расширение России” в наибольшей степени относится к предмету книги. Автор не оставляет без внимания культурные и тем более этнические взаимосвязи внутри евразийского континента. Однако главное, что объединяло Евразию, – это сила государственной власти. Именно государство объединяло разные народы, они долго жили вместе под одной государственной властью; и это на самом деле создавало общую евразийскую культуру и идентичность. Монголы были первыми создателями евразийской идентичности; по крайней мере, так было в северной части Евразии, где монголы включили в свое общество несколько тюркских народов. Позже монголы завоевали Русь, их культурное и этническое смешение с русскими, продолжавшееся несколько веков, создало евразийскую культуру/идентичность. Позже эта идентичность была укреплена во времена Советского Союза, который закрыл свои границы. Внутри границ Советского Союза сложилось единство евразийских народов, где люди разных национальностей и традиций стали одной общностью (с учетом идеологической составляющей СССР они стали советским народом). Впрочем, автор обошел вниманием некоторые интересные взаимосвязи между культурой и политикой, которые вытекают из его подхода. Советская общность держалась за счет силы Москвы, то есть политическая власть способствовала формированию единого культурного пространства [4, с. 56].

После распада СССР новые политические элиты во всех получивших независимость странах

стали переписывать историю, что неминуемо вело к размыванию сложившейся общности. Если раньше историки в советских республиках находили много общего в прошлом всех народов СССР, и особенно в истории своего народа и русских, то после распада историки в независимых государствах стали представлять совершенно другую картину прошлого [5]. Положительные ссылки на историческую общность исчезли. Причем это произошло не только в случае с балтийскими, кавказскими и центральноазиатскими народами, но даже в случае с украинским и белорусским народами, историческую связь и исключительную культурно-этническую близость которых с русскими, казалось, никак нельзя отрицать. Украинские идеологи настойчиво и громогласно пытаются развести русский и украинский народы, отрицая их тесную связь в прошлом и настоящем. Впрочем, такое случилось и в других местах: казалось бы, очевидные культурно-исторические связи переоценивались по политическим причинам. Например, в бывшей Югославии учили, и совершенно правильно с научной точки зрения, что славянские народы страны были родственны друг другу. Большинство из них говорило на одном языке – сербско-хорватском. Но после кровавой гражданской войны народы некогда единой Югославии стали утверждать, что говорят на совершенно разных языках.

Некоторые главы рассматриваемой книги демонстрировали взаимосвязи народов на континенте, но не в глубине Евразии, а с другой стороны – между Россией и Европой. Но здесь связи больше прагматические, нежели культурно-этнические. Так считает автор главы “Срединная земля” Кори Джонсон. Первоначально понятие “Евразия” базировалось на исторически возникшем симбиозе русских и азиатских, преимущественно тюркских, народов. Это основа евразийства (и первоначально, и в том виде, как оно продолжалось после Второй мировой войны). В 2000-е гг. российское политическое руководство, по всей видимости, прониклось идеями евразийства (по крайней мере, некоторыми из них), однако при этом сократило его азиатскую основу. Как отмечает Джонсон, Россия сконцентрировалась преимущественно на Западе, особенно на Европе, и связывает это с тем, что Европа, особенно Германия, были основными

потребителями российского газа. Поэтому стали развиваться идеи, что Россия и Германия большую часть истории жили в мире и являются естественными партнерами в Евразии [6, с. 8–27].

Отдельная глава книги посвящена роли ислама, причем в очень широком контексте, почти глобальном. Исследуется международный, межэтнический характер ислама. Панисламизм выступал исторически как интернациональная идеология (так же, как христианство или марксизм), он отвергал этническое разделение мусульманских народов. Но, с другой стороны, ислам играл довольно важную роль в поддержании национального самосознания в многонациональных государствах. В качестве примера приводятся Пакистан и Иран. В целом глава сильная и интересная. Но вновь остается не вполне понятно, каким образом она связана с главной целью книги – исследовать культурные и геополитические силы, которые связывают народы Евразии в какую-то общность.

Подводя итог, можно сказать, что все главы книги хороши по отдельности. Но все-таки большинство из них почти ничего не добавляют к главному тезису книги об историческом единстве Евразии. Убедительно показано только то, что такое единство возникает вместе с образованием на просторах континента крупного единого государства.

Литература

1. Eurasian Corridors of Interconnection. From the South China to the Caspian Sea / Ed. by Susan M. Walcott and Corey Johnson. N. Y.; L.: Routledge, 2014.
2. Фукуяма Ф. Конец истории? / Ф. Фукуяма // Вопр. философии. 1990. № 3. С. 84–118.
3. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. М., 2003.
4. Лавров С. Лев Гумилев: судьба и идеи / С. Лавров. М., 2013.
5. Токтамысов С. Опыт советской модернизации в ЦА / С. Токтамысов // Большая Игра: политика, бизнес, безопасность в Центральной Азии. 2009. № 1 (13). С. 42–49.
6. Сафранчук И.А. Мировой энергетический баланс. Современные глобальные проблемы мировой политики / И.А. Сафранчук. М., 2009.